
Т.В. Соколова

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРАНИ ПРОСТРАНСТВА ЮЖНОГО КАВКАЗА

Соколова Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Института экономики РАН.

Постсоветская эпоха кардинальным образом изменила социально-экономический и геополитический ландшафт Южного Кавказа. Весомую роль в «перекраивании» пространства региона сыграли как чисто экономические, так и социальные факторы, многократно усилившие мощный центробежный вектор развития составляющих его территориальных образований. Фиксируемые официальной статистикой высокие показатели безработицы, бедности, доходной и имущественной дифференциации населения выступают здесь на протяжении вот уже более чем двух десятилетий одними из основных факторов трансформации.

Эти факторы проявляют себя особенно заметно в условиях вооруженных конфликтов, усугубляя центробежные тенденции и обостряя межнациональные и межгосударственные отношения. По данным социологического исследования «Кавказский барометр»¹, в 2013 г. 90% респондентов в Азербайджане считали Армению страной, наиболее враждебной своему государству, а в Армении 66% опрошенных указывали, что таковой страной является Азербайджан. В Грузии для 44% населения основным врагом была Россия [39].

Показательно и то, что ни одна из стран региона не считает своих непосредственных соседей главными друзьями. Так, для подавляющей части населения Азербайджана (91%) – это Турция, для Грузии (42%) – США

---

1. «Кавказский барометр» – ежегодное исследование Кавказского Центра исследовательских ресурсов (CRRС), который является одной из программ Фонда «Партнерство Евразия». Опросы проводятся на регулярной основе в Армении, Азербайджане и Грузии (за исключением территорий, затронутых военными конфликтами). Результаты представительны для взрослого населения этих стран.

и другие страны. Армения (83%) ставит на первое место (и с большим отрывом) Россию [40].

Принципиальное отличие Южного Кавказа от других частей постсоветского пространства состоит в том, что он всегда «исторически существовал как регион с подвижными границами, различными государственными, этническими и конфессиональными идентичностями» [36, с. 183]. До сих пор тлеющие региональные конфликты на спорных территориях (Нагорный Карабах, Южная Осетия и Абхазия) ощутимо нарушают и без того хрупкий баланс социально-политического равновесия в Азербайджане, Армении и Грузии.

За истекшие 20 лет с момента начала конфликта напряжение вокруг Нагорного Карабаха перешло в состояние так называемой «стабильной нестабильности», но такая ситуация «ни мира, ни войны» всегда чревата обострениями и буквально разьедает общество изнутри [11, с. 80]. С одной стороны, опросы общественного мнения показывают, что наиболее вероятен сценарий мирного урегулирования конфликта в ближайшие пять лет. Так считает почти треть респондентов в Армении, Азербайджане и Грузии [41]. С другой стороны, армяне постепенно привыкают к тому, что они владеют этой землей и все менее склонны соглашаться с формулой «земля в обмен на мир», которая могла бы быть положена в основу мирного соглашения [11, с. 78]. К тому же и в Азербайджане высока доля (20%) тех, кто считает наиболее вероятным именно силовое решение вопроса по Нагорному Карабаху [42].

По мнению ряда экспертов, среди населения Азербайджана и Армении сложилась обстановка тотального взаимного неприятия и недоверия, выросло новое поколение, воспитанное в духе максимализма и отвергающее любые компромиссы² [37, с. 94, 99]. Так, 99% (!) азербайджанцев и почти 70% армян не хотят вести бизнес друг с другом [11, с. 80]. Однако вполне возможно, что именно смена поколений постепенно склонит чашу весов в сторону затухания конфликта, поскольку новая генерация армян, азербайджанцев и молодежь Нагорного Карабаха знакомы с ситуацией только по рассказам старшего поколения и из СМИ. Можно предположить, что политическая активность молодежи будет в возрастающей степени формироваться под воздействием социально-экономических проблем, связанных с безработицей, низким уровнем экономического развития и коррупционностью элит [38, с. 69–70].

Гораздо менее оптимистичны прогнозы в отношении формата разрешения конфликтов в Абхазии и Южной Осетии (с учетом признания Россией независимости этих территориальных образований и введения туда российских войск) [10]. По данным «Кавказского барометра», в 2013 г. более 70%

---

2. <http://www.rusскиivopros.com/index.php?pag=one&id=562&kat=6&csl=65>

респондентов в Грузии хотели, чтобы Абхазия вошла в состав Грузии, утратив автономию, 76% – ни при каких условиях не готовы были признать ее право на независимость, а 86% – категорически отвергли вариант вхождения Абхазии в состав России. В Армении такую точку зрения разделяли лишь 7% респондентов [43].

Ситуация усугубляется и тем, что современный уровень развития экономик спорных территорий не позволяет проводить активную политику в социальной сфере. Формы и методы организации социальной защиты, образования, науки, здравоохранения, культуры и спорта не отвечают здесь современным требованиям [5, с. 23]. Несмотря на то что абхазский бюджет имеет самостоятельные источники пополнения (в первую очередь, за счет курортного бизнеса), объем российской финансовой помощи здесь весьма значителен: в 2010–2012 гг. он составил почти 11 млрд руб. (более 300 млн долл. США). В итоге доля российских средств в бюджете Абхазии достигла 70%. Южная Осетия практически полностью (на 90%) зависит от финансовых поступлений из России. Их объем в 2008–2013 гг. составил около 34 млрд руб. (чуть более 1 млрд долл. США) [19].

В целом анализ постсоветских социальных реформ показывает, что именно в государствах Южного Кавказа они носили наиболее хаотичный характер. В регионе так и не удалось провести энергичные преобразования национальных хозяйственных механизмов с параллельной компенсацией населению издержек сложного трансформационного периода (например, с помощью специальных адаптационных программ для наиболее уязвимых категорий). ВВП на душу населения по паритету покупательной способности национальных валют резко снизился за первую «пятилетку» реформ из-за мощного экономического спада, продолжавшегося вплоть до середины 1990-х годов (табл. 1).

Таблица 1

**ВВП НА ДУШУ НАСЕЛЕНИЯ
ПО ПАРИТЕТУ ПОКУПАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ (ДОЛЛ. США)**

Страны	1990	1995	2000	2005	2010	2012	2013
Азербайджан	3433	1676	2407	4543	10 028	10 365*	11 044*
Армения	2120	1235	1929	3903	5117	5922*	6191*
Грузия	4103	1442	2234	3644	5020	5846	6145*
Россия	8008	6439	7673	11 799	15 550	17 386	17 884

* Оценочные данные.

Источник: [49; 50].

В регионе происходило стихийное развитие рыночных начал в здравоохранении и образовании, в сфере пенсионного обеспечения, предпринимались непоследовательные шаги по переходу к адресной социальной политике.

ПРОБЛЕМЫ СНГ

При этом, как правило, льготы для малообеспеченных категорий населения сокращались либо полностью ликвидировались. В начале нулевых годов только в Грузии задолженность государства по пенсиям и пособиям достигала 120 млн долл. [18, с. 180].

Наиболее глубокий экономический спад (по сравнению с другими государствами Южного Кавказа и СНГ в целом) затронул Армению и Грузию, где ВВП в первые два года постсоветского этапа развития сократился на 70–80%. К середине 90-х годов Армении удалось переломить ситуацию за счет внешних кредитов, радикального курса реформ, высоких налогов и ограничения и без того низких доходов населения, блокирования реального сектора экономики, сокращения социальной инфраструктуры и др. [16, с. 84; 26, с. 48–49].

В целом по региону в истекшем десятилетии крайне низкими и без явной положительной динамики были государственные социальные расходы и расходы на научные исследования и разработки. Напротив, устойчиво росли только госрасходы на оборону.

Основные социальные индикаторы по прошествии более чем 20 лет независимого развития продолжают сигнализировать о низком уровне и качестве жизни населения Южного Кавказа. В Армении доход ниже прожиточного минимума имеет почти треть (32%) населения, в Грузии – свыше 14%, в Азербайджане – 6%³. Однако по экспертным оценкам эти показатели во всех странах заметно выше официальных данных. В относительно стабильной и более благоприятной, чем в других странах региона, социальной ситуации находится Азербайджан, которому удалось сохранить положительные темпы прироста населения, сократить бедность, сдержать рост безработицы [33, с. 188]. Это связано главным образом с возможностью перераспределять доходы от экспорта нефти и газа. Однако, по некоторым оценкам, количество безработных в Азербайджане достигает 1 млн человек, что существенно превышает официальные показатели [4]. Армении за последнее десятилетие удалось добиться экономического роста, прежде всего за счет экспорта товаров и растущего внутреннего спроса в виде частного потребления, которое подкрепляется денежными переводами трудовых мигрантов из-за рубежа, прежде всего из России [12, с. 63].

---

3. После распада СССР проявились различные методологические инструментари оценки уровня бедности в государствах СНГ, а критериальных стандартов для выявления социально-экономических групп населения, различающихся в зависимости от уровня доходов по качеству жизни, выработано не было. В настоящее время дифференциация доходов населения оценивается по традиционным для статистики коэффициентам (индексам): фондов и Джини, которые показывают степень социально-экономического неравенства по формальным децильным и другим группам населения [6].

У Грузии, напротив, гораздо более узкое поле для социального маневрирования. По реальным социально-экономическим показателям она является наиболее бедной из трех стран Южно-Кавказского региона и одной из самых бедных стран на постсоветском пространстве. За все время, прошедшее с момента объявления независимости, Грузии так и не удалось создать экономическую систему, которая смогла бы стать основой для стабильного экономического развития. Не оправдали ожидания населения и реформы, проведенные после «революции роз».

В итоге в Грузии сложилась модель потребительской экономики бедной страны, основанной на стимулировании потребления без должного развития реального сектора экономики. Суммарный объем частного и государственного потребления составляет, по некоторым оценкам, около 90% ВВП [26, с. 47, 51]. В разработанной правительством «Стратегии социально-экономического развития Грузии до 2020 года» обозначены ключевые задачи социального развития. В частности, намечено к 2020 г. снизить уровень безработицы с 16 до менее чем 12%, доля населения с уровнем потребления меньше чем 60% от среднего медианного уровня должна сократиться с 22,4 до 18%, коэффициент замещения пенсии планируется увеличить с 22 до 25%, а коэффициент неравенства доходов Джини снизить с 42,1 до 37%. Также поставлена задача увеличить в государственном бюджете долю расходов на здравоохранение с 2,4 до 7% [46, р. 15].

Практически сразу после распада СССР в Южно-Кавказском регионе остро встала проблема бедности интеллектуальной элиты – «новых бедных», квалификации и трудового опыта которых в любой цивилизованной стране было бы достаточно для получения хорошо оплачиваемой работы [9, с. 12]. Среди бедных – очень большая численность трудоспособного и занятого населения активной возрастной группы. Хронические очаги бедности сформировались в бюджетной сфере и в ряде стагнирующих отраслей промышленности. Таким образом, даже наличие работы на постсоветском пространстве во многих случаях не является источником прорыва за черту бедности. Отсутствие реального рынка труда в бюджетной сфере, особенно в депрессивных регионах (в первую очередь в малых городах, поселках и селах); запредельно низкий размер оплаты труда в бюджетной сфере – все эти факторы не позволяют многим работникам бюджетной сферы преодолеть барьер бедности, независимо от эффективности и качества их труда.

«Шлейф» колоссального разочарования населения региона в социальных итогах трансформации и ощущения социальной несправедливости присутствуют до сих пор, постоянно подпитываясь на протяжении всего периода реформ высокой доходной дифференциацией. Среди государств Южного Кавказа коэффициент неравенства доходов Джини наиболее высок в Грузии

ПРОБЛЕМЫ СНГ

(0,42), чуть менее заметно «отставание» в Армении и Азербайджане – 0,37 и 0,34 соответственно [24, с. 80; 46, с. 7; 48; 49].

Мощным стрессовым фактором для населения Южного Кавказа выступает безработица. Согласно данным социологического опроса «Кавказский барометр-2013» (в нем участвовали более 6 тыс. домашних хозяйств), 45% респондентов в Армении и 54% – в Грузии считают безработицу главной проблемой. Напротив, в Азербайджане, по мнению 38% опрошенных, самой большой проблемой являются неразрешенные территориальные конфликты в регионе. Среди наиболее острых проблем бедность занимает в Армении и Грузии второе место, а в Азербайджане – третье [44].

В 2012 г. общее число безработных в СНГ, определяемое по методологии Международной организации труда (МОТ) с учетом тех, кто ищет работу самостоятельно (без обращения в службу занятости), оценивалось Статкомитетом СНГ в 8,2 млн человек, или 6% численности экономически активного населения региона (в 2005 г. – 7%, в 2000 г. – 10, в 2011 г. – 6,8%). Пиковые значения были зафиксированы в Азербайджане в 2006 г. – 6,8%, в Армении – 32,3 в 2004 г. и 28,6 в 2008 г., в Грузии – 16,9% в 2009 г. [1].

В Армении на протяжении всех лет в среднем приблизительно один человек из четырех экономически активных был безработным [12, с. 63]. В Грузии из-за недостаточной развитости реального сектора экономики дольше всех (вплоть до 2012 г.) не удавалось переломить общий повышательный тренд безработицы (табл. 2). И сейчас ее уровень все равно предельно высок, причем реальные цифры безработицы, по некоторым оценкам, значительно выше. Согласно различным социологическим опросам населения, проводимым как местными, так и иностранными неправительственными организациями, 70% опрошенных считают себя безработными. Это связано с тем, что в течение последних лет от 50 до 57% рабочей силы практикует самозанятость, и доход от их трудовой деятельности настолько низок, что люди не воспринимают такую работу как занятость [26, с. 52–53]. В 2014 г. МВФ прогнозирует новую волну роста безработицы в Грузии – до 17,3% [7, с. 22].

Таблица 2

ДИНАМИКА УРОВНЯ БЕЗРАБОТИЦЫ (ПО МЕТОДОЛОГИИ МОТ*), % ОТ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Страны	1991	1995	2000	2005	2010	2012
Азербайджан	6	5,5	5,8	6,4	5,6	5,4
Армения	20	28,3	24,7	27,8	19,0	18,5
Грузия	12,4	14,3	10,8	13,8	16,3	15,0
Россия	12,1	9,4	10,6	7,1	7,3	5,5

* С учетом лиц, ищущих работу самостоятельно (без официальной регистрации в службах занятости).

Источник: [48].

Наметившийся в 2010–2011 гг. рост численности нашедших работу, а также появление дополнительных свободных рабочих мест привели к некоторому ослаблению напряженности на рынке труда, но не изменили ситуацию кардинально.

За годы реформ в рассматриваемом регионе произошло существенное сокращение спроса на рабочую силу в государственном секторе экономики, перемещение значительной ее доли в частный сектор и сферу неформальной деятельности, глубокая дифференциация в оплате труда, рост безработицы и трудовой миграции. Численность работающих в негосударственном секторе экономики за 20 лет выросла в Азербайджане и Армении почти в 3 раза (в 2,9 и 2,7 раза соответственно) [1]. Значительная часть работающих сосредоточена на крупных и средних предприятиях (например, в Армении – 26–40%) [2].

Как это ни парадоксально, но высшее образование перестало являться надежной гарантией трудоустройства. В начале 2013 г. в Азербайджане выпускники различных учебных заведений составляли 12% общего числа зарегистрированных безработных (для сравнения в других странах СНГ – 2–5%). По данным обследований рабочей силы, в Армении в 2012 г. доля безработных с высшим образованием достигала почти 27% общей численности безработных, в Азербайджане – 16–17%. При этом за последнее десятилетие доля безработных с высшим образованием значительно увеличилась. В то же время среди безработных высока доля лиц со средним (полным) общим образованием: в Грузии и Азербайджане – более половины всех безработных (55,4 и 52% соответственно), в Армении – чуть более трети (39%).

Аналогичная ситуация сложилась и на спорных территориях. Так, в Южной Осетии около трети учащихся, оканчивающих школу, не знают, что они будут делать дальше, что свидетельствует об отсутствии у них реальных возможностей для профессионального выбора. Большинство молодых людей считают, что их материальное положение будет мало зависеть от результатов труда, уровня образования и квалификации. Специальные исследования ценностных ориентаций молодежи Южной Осетии показали, что успешная профессиональная деятельность является значимой для подавляющего большинства молодых людей (82%). Оценивая свои личные перспективы в будущей профессиональной деятельности, 54,4% респондентов высказали уверенность в том, что она сложится успешно. Однако почти каждый шестой (15,6%) считает иначе: 62% опрошенных сомневаются в успешности своей будущей профессиональной деятельности. Показательно, что наименее престижными для молодежи сферами деятельности до сих пор являются наука, образование, промышленное производство и сельское хозяйство [3, с. 6–7]. В Южной Осетии, как справедливо отмечают эксперты, «...ощутимый удар нанесен трудовым традициям, унаследованным от предков, ...двадцатилетняя война

ПРОБЛЕМЫ СНГ

и нестабильность буквально сгубили молодежь: одна часть ее погибла, другая отвыкла от физического труда и, одевшись в камуфляжную форму, служит в непроизводственной сфере. Третья часть покинула родину и вряд ли еще думает возвращаться» [35, с. 316–317].

Серьезной проблемой для Южного Кавказа остается и отток весомой части экономически активного населения в так называемую ненаблюдаемую экономику⁴. Ее доля в производстве ВВП варьировала в конце 2000-х годов от 7,8% в Азербайджане до 26,3% в Армении. Для сравнения: в России этот показатель составлял 17% [22, с. 297].

Наряду с высокими уровнями доходной дифференциации и безработицы весомый вклад в прессинг общего психологического дискомфорта в Южно-Кавказском регионе вносит отсутствие полноценного гражданского общества, институты которого могли бы способствовать более справедливому распределению результатов экономического роста [25, с. 107], а также росту численности среднего класса. По данным специальных исследований, доля среднего класса в государствах Южного Кавказа крайне незначительна: в Армении и Грузии – 3–4%, Азербайджане – около 15% [17, с. 41]. Отсутствие многочисленного среднего класса подтверждается и данными специальных опросов домашних хозяйств на предмет их платежеспособного спроса на товары и услуги. Согласно исследованию «Кавказский барометр», в 2013 г. от 20 до свыше 30% домохозяйств Южного Кавказа заявили, что им не хватает денег даже на еду, только треть домохозяйств имеют достаточно средств для покупки всех товаров повседневного спроса, а приобретение товаров длительного спроса могут позволить себе от 5% (в Армении) до максимум 11% домохозяйств (в Азербайджане) [45].

Накопившиеся за 20 лет социальные издержки реформ превысили запас как материальной, так и эмоциональной прочности имевшегося в регионе «старого» среднего класса и не позволили упрочить свои позиции «новому». В целом жители Южного Кавказа крайне не удовлетворены своей жизнью и качеством социально значимых услуг (табл. 3).

---

4. В состав ненаблюдаемой экономики, согласно «Руководству по измерению ненаблюдаемой экономики (ОЭСР, 2002 год)», включаются: теневое производство, незаконное производство, производство в неформальном секторе, производство продукции домашними хозяйствами для собственного конечного использования, производство, не учитываемое вследствие недостатков в программе регулярного статистического наблюдения.

Таблица 3

**УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ
И КАЧЕСТВОМ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМЫХ УСЛУГ**

Страны	Общая удовлетворенность жизнью (полностью не-удовлетворены 0, полностью удовлетворены 10) 2007–2011*	Удовлетворенность свободой выбора, % удовлетворенных 2007–2011*	Удовлетворенность работой 2011	Доверие к правительству страны (% ответивших «да») 2007–2011*	Удовлетворенность качеством образования (% удовлетворенных) 2011	Удовлетворенность качеством медицинской помощи (% удовлетворенных) 2007–2009
Азербайджан	4,7	49,0	57,8	74,0	53,0	53,0
Армения	4,4	41,0	45,4	34,0	45,7	61,0
Грузия	4,2	58,0	55,0	66,0	65,7	61,0

* Цифры относятся к последнему году указанного периода, по которому имеются данные.
Источник: [13, с. 166–167, 170–171, 174–175].

В ходе структурной перестройки рынка труда высококвалифицированные и вполне конкурентоспособные, согласно мировым меркам, кадры были буквально вытолкнуты за его пределы, втянуты в воронку безработицы и, как следствие, реальной бедности. Потенциал квалифицированных исполнителей и квалифицированных менеджеров, креативных кадров, по сути, исчерпан, что сильно затрудняет процессы модернизации экономики [8, с. 7]. Если в развитых странах вклад «креативных отраслей» (построенных на творческом труде) в экономику составляет, по разным методикам расчета, от 25 до 35%, то ситуация в государствах Южного Кавказа не дает поводов для оптимизма. Сохраняется устойчивая тенденция падения престижа интеллектуального труда, до сих пор он остается одним из самых низкооплачиваемых.

Число организаций, выполняющих научные исследования и разработки (НИР), и численность персонала научно-исследовательских организаций в Армении сократилась [21]. В итоге значительная часть специалистов с высокой профессионально-образовательной подготовкой, в частности с высшим образованием (по сути, потенциальный средний класс), работают не по специальности или вынуждены работать за пределами родной страны, зачастую занимаясь неквалифицированными видами труда. Одна из основных причин – низкий уровень средней зарплаты в регионе (табл. 4).

Несмотря на отсутствие резких различий в уровнях средней заработной платы во всех странах Южного Кавказа, социальное напряжение более выражено в Армении и Грузии, где уровень бедности сохраняется более высоким (по сравнению с Азербайджаном). В целом уровень жизни соответственно декларированным странами Южного Кавказа показателям примерно одинаков и невысок во всех трех государствах.

Таблица 4

**СРЕДНЕМЕСЯЧНАЯ НАЧИСЛЕННАЯ НОМИНАЛЬНАЯ ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА
(ПО ДАННЫМ ГОДОВОЙ И ТЕКУЩЕЙ ОТЧЕТНОСТИ), в долл. США**

Страны	2005	2010	2013 (сентябрь)
Азербайджан	131	413	529
Армения	114	275	356
Грузия ¹	114	334	428 ²

¹ Расчеты автора на основе данных National Statistics Office of Georgia (Национального статистического ведомства Грузии): (http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=317&lang=eng; http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=149&lang=eng; http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=317&lang=eng).

² 2012 г.

Источник: [34; 47].

Для стран региона характерна высокая эмиграция трудоспособного населения. Одно из первых мест в мире в этом процессе занимает Грузия, экспортируя свой самый ценный капитал – человеческий. Практически 20% населения находится на заработках за пределами страны [7, с. 22].

Кроме того, как справедливо отмечают эксперты, «...в эпоху глубокого кризиса нет ничего важнее социального тонаса, высота которого зависит не столько от поведения так называемого политического класса..., сколько от сознательных массовых усилий населения» [14, с. 10]. К сожалению, в условиях нарастающей на протяжении последних двух десятилетий разобщенности общества в странах Южного Кавказа не приходится ожидать прорыва в этом направлении. Накопленный ранее в регионе человеческий (знания и навыки) и социальный капитал (отношения между людьми), оставаясь длительное время невостребованным, постепенно размывается и утрачивается. Происходит серьезная трансформация менталитета населения, что на фоне резкого падения кредита доверия к проводимым реформам не позволяет государствам Южного Кавказа преодолеть барьер трансформационного спада и «преобразовать ресурсы, находящиеся в их распоряжении, в устойчивое благосостояние» [30, с. 33].

В итоге за вот уже почти четверть века постсоветского развития государствам Южного Кавказа так и не удалось сформировать прочную основу социально-экономической системы. Судьба экономических и социальных реформ в регионе по своей сути схожа с судьбой реформ и в других постсоветских государствах, где они сводились либо к попыткам фрагментарных и непоследовательных преобразований в отдельных сферах, либо к спонтанным реакциям на негативные последствия, которые возникали в результате все тех же до конца не продуманных рыночных реформ [20]. Приходится признать, что вместо «...формирования основ гражданского общества и социальной модернизации, на постсоветском Кавказе произошел невиданный всплеск этниче-

ского национализма и политической архаики» [27], который обостряет социальные процессы в регионе, препятствует консолидации общества и вызывает миграционный отток населения.

Литература

1. 20 лет Содружеству Независимых Государств // Вопросы статистики. – М., 2012. – № 1.
2. Аналитическая записка о социально-экономическом развитии и торгово-экономических отношениях государств – участников Содружества Независимых Государств в I квартале 2011 г. (<http://www.cis.minsk.by/page.php?id=18902>).
3. Атаян А.М. Характеристика ценностно-ориентационной системы молодежи Республики Южная Осетия // Современные проблемы науки и образования (электронный журнал). – М., 2011. – № 6.
4. Бараташвили Е., Баидошвили Д. Экономическая интеграция Грузии на Южном Кавказе // Информационно-аналитический портал «Кавказ Online». – 2011. – 31 января (<http://kavkasia.net/Georgia/article/1296532063.php>).
5. Барганджия Г.Ю. Экономическое состояние и ресурсный потенциал Республики Абхазия // Вестник НГИЭИ: Серия Экономические науки. – Нижний Новгород, 2013. – № 7 (26).
6. Бобков В.Н., Алиев У.Т., Куница С.М., Черенько Л.Н., Шевченко С.В. Неравенство в распределении доходов и уровня бедности населения: Межстрановые сопоставления // Вопросы статистики. – М., 2011. – № 6.
7. Бочарников И.В. Реализуется ли грузинская мечта? // Постсоветский материк. – М., 2014. – № 2.
8. Вардомский Л., Шурубович А. Модернизация экономики в странах СНГ: Типы, ресурсы, инструменты // Экономическое обозрение. – М., 2008. – № 1.
9. Глазьев С.Ю. Очередной «клон» правительственных рыночных фундаменталистов // Российский экономический журнал. – М., 2005. – № 2.
10. Григорян С. Новые вызовы, стоящие перед странами Южного Кавказа: Возможные инициативы для решения региональных конфликтов // Русский вопрос (интернет-журнал). – 2014. – № 1. (<http://www.russkiiivopros.com/index.php?page=one&id=555&kat=5&csl=65>).
11. Де Ваал Т. Азербайджан – что впереди? // Pro et Contra. – М., 2013. – № 6 (61), ноябрь-декабрь.
12. Демиденко М.В. Интеграция Армении в ТС и ЕЭП: Исходная позиция и существенные условия // Евразийская экономическая интеграция. – Санкт-Петербург, 2013. – № 4 (21).
13. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: Человеческий прогресс в многообразном мире. – М.: Весь мир, – 2013. – 216 с.
14. Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Новые грани ментальности: Синергетический подход. – М., ЛЕНАНД. – 2011. – 192 с.
15. Информация о социально-экономическом развитии и торгово-экономических отношениях государств – участников СНГ в 2010 г. (<http://www.cis.minsk.by/page.php?id=18858>).
16. Кошечкина Е.А. Региональная политика Армении // Theoretical & Applied Science. – Тараз (Казахстан), 2013. – 30 сентября.
17. Кризис доверия обостряет экономические проблемы России / Доклад об экономике России. Всемирный банк. – 2014. – № 31, март. – 53 с.
18. Леков Р. Формирование новой Грузии: Результаты реформ // Власть. – М., 2013. – № 9.

ПРОБЛЕМЫ СНГ

---

19. Маркедонов С. Южный Кавказ: Итоги 2013 года // Информационный сайт политических комментариев «Политком.RU» (<http://www.politcom.ru/16977.html>).
20. Независимый информационно-аналитический ресурс «Диалог.УА» (<http://dialogs.org.ua/ru/dialog/page66.html>).
21. О научно-исследовательской деятельности и кадрах науки в странах Содружества / Статистика СНГ. Статистический бюллетень. – М., 2013. – № 11.
22. Об оценках ненаблюдаемой экономики в странах СНГ. Материалы Статкомитета СНГ // Общество и экономика. – М., 2010. – № 3–4.
23. Образование в странах Содружества / Статистика СНГ. Статистический бюллетень. – М., 2013. – № 7.
24. Основные социально-экономические индикаторы бедности в странах Содружества Независимых Государств / Статистика СНГ. Статистический бюллетень. – М., 2013. – № 5.
25. Павленко Ю.Г. Современное гражданское общество // Вопросы экономики. – М., 2008. – № 10.
26. Папава В. Экономика Грузии: В поиске модели развития // Мир перемен. – М., 2013. – № 3.
27. Постсоветский Южный Кавказ: Традиционализм плюс модернизация / Исследовательский центр Charta Caucasica. 2007, 9 августа (<http://www.caucasica.org/analytics/detail.php?ID=1194>).
28. Проблемы оплаты труда в странах СНГ и позиция профсоюзов этих стран // Общество и экономика. – М., 2008. – № 5.
29. Рынок труда в странах Содружества в 2012 году / Статистика СНГ. Статистический бюллетень. – М., 2013. – № 10.
30. Соболева И.В. Парадоксы измерения человеческого капитала. – М., Институт экономики РАН. – 2009. – 50 с.
31. Содружество Независимых Государств: Статистический ежегодник / Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М., 2013.
32. Социально-экономическое положение стран Содружества Независимых Государств в 2008 году // Общество и экономика. – М., 2009. – № 3.
33. Социально-экономическое развитие постсоветских стран: Итоги 20-летия / Отв. ред. Л.Б. Вардомский. – М., ИЭ РАН – 2012. – 400 с.
34. Статистика СНГ. Статистический бюллетень. – М., 2013. – № 7.
35. Чибиров Л.А. Этническая культура осетин: Традиции и инновации // Инновационная стратегия Республики Южная Осетия: Экономический, социокультурный и медико-биологический аспекты: Труды международной научной конференции (Цхинвал-Владикавказ, 14–17 октября 2010 г.). – Владикавказ, 2010.
36. Южный Кавказ: Тенденции и проблемы развития (1992–2008 гг.) / Отв. ред. и рук. авт. кол. В.А. Гусейнов. – М.: Красная звезда. – 2008. – 392 с.
37. Язькова А. Нагорный Карабах: Будет ли найден выход из тупика? // Мир перемен. – М., 2011. – № 2.
38. Ян Э. Возможности компромисса в нагорно-карабахском конфликте // Мир перемен. – М., 2010. – № 4.
39. Caucasus Barometer 2013 regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRC) (<http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/MAINENEM/>).
40. Caucasus Barometer 2013 regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRC) (<http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/MAINFRN/>).
41. Caucasus Barometer 2013 regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRC) (http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/NK4_1/).

42. Caucasus Barometer 2013 regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRC) (http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/NK4_2/).
43. Caucasus Barometer 2013 regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRC) (http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/RC6_1/, http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/RC6_4/, http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/RC6_5/).
44. Caucasus Barometer 2013 regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRC) (<http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/IMPIS1/>).
45. Caucasus Barometer 2013 regional dataset / The Caucasus Research Resource Centers (CRRC) (<http://caucasusbarometer.org/en/cb2013/ECONSTN/>).
46. Georgia: Adjusting in the Face of Uncertainty / Georgia Economic Report No. 5. The World Bank. – Washington, DC, 2014. – Spring. – 32 p.
47. National Statistics Office of Georgia, 2012 (http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=149&lang=eng).
48. The World Bank (Data Sets) (<http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI>; <http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.NAHC>; <http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TOTL.ZS/countries>; <http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.TERT.ZS>; <http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.SECO.ZS>; <http://data.worldbank.org/indicator/SL.UEM.PRIM.ZS>).
49. База данных TransMonEE 2011, Региональное отделение UNICEF для ЦВЕ/ЧГ (www.transmonee.org).
50. World Economic Outlook Database // International Monetary Fund. – 2014. – April (<http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/index.aspx>).